

ТЕКСТ И ДИСКУРС В СВЕТЕ КОММУНИКАТИВНОГО СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ¹

А. В. Вдовиченко²

Рассматриваются различия между статическим и динамическим пониманием текста и дискурса. Главным фактором различия автор считает концепцию коммуникативного действия (семиотического поступка), которая играет ключевую роль в коммуникативной модели текста, но игнорируется в рамках языковой модели. Согласно коммуникативной (динамической) модели: 1) текст является последовательностью семиотических поступков (коммуникативных действий), вернее, их вербальных составляющих; 2) вербальный облик высказывания и коммуникативное действие кардинально отличны; 3) когнитивное состояние автора действия обозначает собой предел смыслообразования в данном действии (и, соответственно, в данном предложении текста); 4) коммуникативное смыслообразование состоит в том, что автор видит смысл в самой процедуре коммуникации, а не в отражении реальности, общенной мысли и пр.; 5) воспринимая зафиксированный на письме текст, сознание читателя постоянно интерпретирует только одно коммуникативное действие, что делает непроцессуальное понимание текста неэффективным с точки зрения смыслообразования. В свою очередь, дискурс в динамическом понимании представляет собой осознанную ситуацию данного коммуникативного действия, или плавающую систему параметров, всякий раз воссоздаваемых и обновляемых для корректной интерпретации данного семиотического поступка.

Ключевые слова: *текст, дискурс, коммуникация, коммуникативное действие, динамическая модель, статическая модель, параметры коммуникативного действия.*

Различие между статической и динамической моделями рассматриваемого явления (процесса) в сфере «языка» выдвигает требование несколько иначе взглянуть на *прежние понятия* и сами способы их «упаковывания» в объяснительные концепции и описательные схемы. Распространенное понимание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

² Институт языкознания РАН,
125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1;
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
109651, Россия, Москва, ул. Иловайская, 9, стр. 2.
doi: 10.5922/2225-5346-2017-4-1

Поступила в редакцию 18.09.2017 г.

© Вдовиченко А. В., 2017

текста и дискурса является результатом статического («языкового») способа моделирования, на смену которому приходит динамический («коммуникативный»), в соответствии с общей тенденцией поглощения «языка» коммуникацией [2, с. 79].

Представим себе нотную запись фортепианного концерта, которую держит в руках даже не музыкант, а рядовой ценитель прекрасного. Можно ли утверждать, что все, что ему нужно от *музыкального* произведения, он уже получил и что данного нотного текста достаточно для участия в некогда замысленном композитором? Безусловно, нет. Недостаёт исполнения, самого звучания, слышимого мелодического рисунка, интерпретации, ощущения уподобления человеческому голосу и интонации в музыкальной фразе и пр. — всего того, к чему нотный текст лишь пунктирно готов направить и послужить вспомогательным средством достижения.

Заметим, что и для автора в момент создания сочинения целевой причиной его творческих усилий был не нотный текст, а то, что обычно возникает при его прочтении «на выходе». И слушатель, и автор с большой вероятностью подтвердят, что их интересует один и тот же комплексный акустическо-эмоционально-интеллектуальный объект, а не вспомогательное средство (без которого временами можно обойтись).

В свою очередь, графически представленный *вербальный* текст также не тождествен тому, что замыслил автор и что послужило целевой причиной приложения его творческих усилий. Читатель вслед за автором тоже, пожалуй, признает, что простое обладание написанными словами и предложениями не даёт чувства достижения искомого, которое приходит только в момент воссоздания (назовем это также реанимированием, воскрешением) некогда помысленной и реализованной автором процедуры.

Поэтому уж если искать «осмысленную взаимосвязанную последовательность знаков», то есть смыслодержающий текст, то только не в написанном (нотном или буквенном) субстрате, поскольку он выступает всего лишь подсобным инструментом, вторичным посредником в каком-то подлинно важном деле.

Далее, в поисках твердой значимой сердцевины и, соответственно, четких контуров динамической модели вербального текста (а затем и дискурса), небесполезно обратить внимание на то, что спосап фиксацѣи славесной паследаватильности глубако условен, далико атстаит ат таво, што риальна праизносицца аутэньтичным «наситилем йязыка», kotoryj mozhет pribegnut' k samym raznaabrasnym formam fixatsii verbal'noj materii (плюс к уже приведенным, например к аббревиатурам, сокращ., скорописи, специальной фонетической — русской академической и международной — транскрипции и пр.).

Подмечая в этих примерах условность графической фиксации, следует сразу указать *то, что* позволяет «читателю», несмотря на различия способов фиксации, обретать даже в этих шуточных эпизодах твердую почву. Иными словами, задавшись вопросом, почему распознаются столь по-разному представленные вербальные данные (а они *распознаются* «носителем», кто бы что ни говорил) и *где основания* самой возможности их распознавать, наблюдатель

вынужден признать, что главное и основное, остающееся неизменным и обеспечивающее понимание, — это коммуникативная типология, заранее известная говорящему на «родном языке», вербальные элементы которой воспроизводятся в сознании на основе каких-то графических способов фиксации. Именно к ней возводит носителя коммуникативной типологии любой из приведенных способов записи звучащей речи.

Соответственно, задача письменных знаков, так или иначе обращенных к звуковому составу речи и направленных на смыслообразование, состоит в том, чтобы произвести намек на (или дать возможность вспомнить) уже известное интерпретатору вербальное клише (элемент коммуникативной типологии, которой владеет говорящий). Именно поэтому для аутентичного коммуниканта не составит никакого труда озвучить, скажем, [с.] в надписи [с. Борисово] или сделать это по-другому в случае с [с. 15]: написана всего одна буква с точкой, а читается (озвучивается) заранее известное целое слово [село] или [страница]; или расшифровать второй элемент словосочетания [Слава КПСС]: написано четыре буквы, а прочитать можно заранее известное развернутое словосочетание [коммунистическая партия...]; или произнести правильно любое слово, входящее в коммуникативную компетенцию говорящего: пишется [произнести], а читается заранее известное [праиз'нис'ти], пишется [говорящего], а читается [гаварящива] и пр.

Опять же по причине того, что устная форма вербальных клише изначально известна аутентичному коммуниканту, русский графический способ фиксации не предполагает использования знаков ударения. Несмотря на трудности, испытываемые иностранцами при решении вопроса, какой слог «ударять» при чтении, аутентичный коммуникант знает это вполне определенно из практики владения коммуникативными клише и без труда ставит ударение в словах, не акцентуированных на письме.

Оснóвность (поставим для ясности ударение) и первичность клише, хранящихся в памяти участника коммуникативного сообщества, подтверждается и тем, что коммуникант, произнося эти клише в устном общении, никогда не думает о том, как они могут быть записаны. Он пользуется ими независимо от их элементарно-графической формы (которой для него в момент смыслообразующего говорения не существует).

Наоборот, графически изобразить эти клише составляет для него задачу, разрешимую с некоторым усилием и выполнимую после обучения специальным правилам (грамматике), которые в крайнем случае он может даже оставить в стороне и записать клише как угодно, ориентируясь лишь на данного адресата, с его объемом знаний и способностью распознавать «намек».

Во всех этих случаях речь идет о вспоминании заранее известных форм устной коммуникативной практики (то есть о воспроизведении уже известной вербальной клишированной части коммуникативных синтагм, усваиваемых коммуникантом с детства и затем постепенно пополняемых по мере знакомства с новыми предметными областями и способами коммуникативного действия в них).

Кроме того, в отношении графической формы важно заметить и то, что написанный вербальный текст даже в традиционном своем состоянии всегда изобилует *невербальными знаками*, отсылающими к каким-то смысловым и интонационным чертам говорения, но не к самим фонетическим словам. К таким знакам относятся точки, тире, запятые, кавычки, восклицательные и вопросительные знаки, прописные и строчные буквы, курсив, подчеркивание, абзацы, пробелы, скобки и пр., не говоря уже о специальных и ситуативных знаках: стрелках, равенстве, плюсах, минусах, цифрах, таблицах, схемах, рисунках, пиктограммах и пр. Фактом своего существования они указывают на то, что вербальный текст имеет некий *комплексный* характер: в нем на самом деле «переплетены» знаковые каналы, присутствуют не только словесные, но и *иные знаки («намек»)*, указывающие за пределы области словесного, выносящие организованную автором процедуру за границу только вербального, отсылающие к несловесным механизмам смыслообразования. По-видимому, даже при наличии созданной словами последовательности в ней присутствует нечто более сложное, чем работа слов (чем «словесный механизм»; чем «словесная знаковая система»; чем «орнамент, составленный из слов»; чем просто «текст слов»).

Предпоследним, но не менее важным обстоятельством, достойным упоминания при построении динамической модели «вербального текста» (уже ставим кавычки, поскольку любой вербальный текст, как выясняется, далеко не только вербальный), пожалуй, является то, что *слова не имеют определенных значений (смыслов)* и потому не могут быть однозначными слагаемыми общей суммы, которая часто мыслится как текст. Это может показаться странным, но именно такое положение дел следует констатировать в реальном говорении (письме): автономные слова не обладают мыслимым тождеством, способным нести конкретный понимаемый смысл (значение).

Так, каждое слово, входящее в состав последнего, только что воспринятого читателем предложения, будет иметь гораздо больше значений, чем одно определенное, нужное для твердого понимания составленного из них целого: [это], [положение], [казаться], [такой], [дела], [письмо], [именно], [странный], [говорение] и пр.

Заметим на всякий случай, что спасительная ссыла на «слово в контексте», которое якобы благодаря контексту приобретает способность восприниматься в тождестве, как раз и свидетельствует о семантической недостаточности *автономного* слова: необходимо нечто постороннее, выходящее за пределы слова, — тот самый контекст, без которого предьявить самостоятельный смысл (значение) слова не представляется возможным.

Более того, даже вербальные данные, организованные в предложения, далеко не всегда будут понятными в их составе:

[Безусловно, нет. Недостает исполнения, самого звучания, слышимого мелодического рисунка, интерпретации, ощущения уподобления человеческому голосу и интонации в музыкальной фразе и пр. — всего того, к чему нотный текст лишь пунктирно готов направить и послужить вспомогательным средством достижения.]

Поэтому если контекстом для слова считать предложение, то такой «гарант тождества» и сам не может быть признан независимым и смыслообразующим. Кажется, здесь напрашивается как минимум «конситуация», или «коммуникативный (то есть комплексный, не только вербальный) контекст», который выносит причины смыслообразования далеко за пределы словесной последовательности как таковой. Тогда и другие, заведомо бессмысленные в автономной позиции предложения (типа [Да], [Он совсем не собирается это делать], [Безусловно, нет]), помещенные в аутентичную конситуацию, обретут искомое тождество, тем самым снова утверждая смысловую несамостоятельность вербальных данных — не только слов, но даже предложений.

Наконец, последним обстоятельством, которое стоит иметь в виду при оформлении коммуникативной модели текста, можно считать тот неоспоримый факт, что *смыслообразующую процедуру зачастую можно реализовать полностью без участия слов*. Жесты, остенсивы, выразительные взгляды, вздохи, поступки «напоказ» могут иметь ничуть не менее определенное значение, чем слова. Вспомним здесь, что даже написанный вербальный текст уже был замечен в использовании невербальных знаков, указывающих на нечто за пределами вербальных данных.

Итак, во всех приведенных эпизодах вербальный текст не подтверждает своей автономной работоспособности в деле смыслообразования: как уже было замечено, 1) в графически зафиксированной форме текст является всего лишь «следом» устной коммуникативной процедуры, помысленной и реализованной автором; 2) роль графической формы текста состоит лишь в том, чтобы быть подсобным инструментом, посредником в подлинно важном деле коммуникации; 3) способ фиксации вербальной последовательности глубоко условен, что делает любой письменный текст всего лишь намеком на иные формы вербальной и невербальной коммуникации, в которых говорящие различают, по крайней мере, не буквенные единицы; 4) главный и основной арсенал аутентичного представителя коммуникативного коллектива составляет знание устных вербальных клише, по отношению к которым любой вербальный текст глубоко вторичен; именно к этому знанию апеллирует автор, используя какой-либо графический способ фиксации вербальных данных; 5) вербальный текст имеет комплексный характер, поскольку в нем «переплетены» разноформенные знаковые каналы; 6) слова и даже составленные из слов предложения невозможно считать тождественными единицами вербального процесса, поскольку они как минимум не обладают определенным автономным значением; 7) смыслообразующую коммуникативную процедуру можно реализовать не только «словами текста», но и посредством других каналов, в том числе без участия слов.

Такое последовательное ущемление прав текста (считавшихся до поры незыблемыми) и утрата им самостоятельного, почти священного статуса ведет к переосмыслению модели смыслообразования, реализуемой в тексте, — по крайней мере модели, выстроенной на признании за текстом способности быть «сообщением, существующим в виде такой последовательности знаков, которая обладает формальной связностью, содержательной цельностью и возникающей на основе их взаимодействия формально-семантической струк-

турой» [6, с. 5], а также рассматривающей его как «сложный знак и целостную единицу общения» [4, с. 71] или как «связь по меньшей мере двух высказываний, в которых может совершаться минимальный акт общения — передача информации или обмен мыслями между партнерами» [5, с. 10].

Все высказанные сомнения и приведенные наблюдения над тем, насколько несамостоятелен и вторичен в своей смыслообразующей работе словесный текст, ведут в единую метрополию: *производятся и понимаются* не словесные формы (в том числе тексты и их предметно представленные части — морфемы, слова, предложения и пр.), а *коммуникативные действия* (семиотические поступки), совершаемые коммуникантом с привлечением (или без привлечения) вербальных клише.

Такая позиция резонно предполагает, что *вербальный процесс* должен быть рассмотрен в *контексте коммуникативного смыслообразования*, как *частный случай коммуникативного процесса*, с соответствующими последствиями для понятия текста.

Среди этих последствий приведем несколько, с нашей точки зрения, наиболее важных.

Прежде всего, написанный текст является отражением последовательности коммуникативных действий, задуманных автором и представленных адресату в таком порядке. Если точнее, — текст представляет собой последовательность вербальных элементов соответствующих коммуникативных действий.

Между словесным отрезком, простирающимся от точки до точки («предложением»), и целостным коммуникативным действием, в состав которого входят данные словесные элементы (если условно считать предложение соответствующим действием), следует констатировать кардинальное отличие. Вербальный остов, восстанавливаемый по графемам в виде звучащих коммуникативных клише, является лишь внешним неточным пунктирным «следом», по которому можно продвинуться к воссозданию целостного семиотического поступка. Так, автор коммуникативного действия в не опосредованной письменным текстом ситуации определяется самим наблюдаемым фактом говорения от первого лица («видно, кто говорит») и потому по умолчанию попадает в список значимых параметров, необходимых для интерпретации действия. Напротив, в ситуации письменного текста источник коммуникативного действия (а значит, и выделенных объектов, связей, причинности, оценок, эмоций и пр.) должен быть назван особо, поскольку процесс написания (псевдоговорения) и озвучения принципиально разделены («непонятно, кто говорит»). Вследствие этого в статье или повести указывается автор, а в художественном нарративе речь персонажей сопровождается ссылкой на источник (типа «сказал такой-то» после «прямой речи» и пр.). Как правило, автор, использующий письменный канал в своем коммуникативном действии, осознает несовершенство графического посредника и прилагает дополнительные усилия для достижения мыслимого тождества. Так, для уточнения модуля говорения в письменный текст вводятся указания на выражение лица говорящего при произнесении «прямой речи» или подробности социального

или профессионального статуса автора статьи или романа, при том что все это вне графического посредства также может присутствовать в ситуации коммуникации по умолчанию и играть свою роль.

Помещая семиотическое действие в основание лингвистического факта, следует недвусмысленно признавать, что оно *не существует вне деятеля*, который оказывается единственным бесспорным источником порождения смысла в вербальных данных. Фактом своего существования он ставит точку в рассуждениях о смысле сказанного, обозначая собой *предел смыслообразования*. Интерпретация естественного вербального материала — в своей первозданной сути — представляет собой восхождение к когнитивному состоянию автора действия. В этом отношении становится очевидной бессмысленность и пустота какого-либо «языка», который принципиально элиминирует личностность и конкретный когнитивный процесс, избавляясь таким образом от единственного источника смыслообразования в семиотическом поступке. Ввиду этого метафору «язык» для построения модели естественного вербального факта следует признать неэффективной [3, с. 167].

При этом мысль и действие (в том числе вербальное) естественным образом не совпадают, как процесс открывания двери ключом (действие) и внутреннее рассуждение о необходимости открыть дверь ключом (мысль) не есть одно и то же. Смысл сказанного не имеет прямой («прямоточной») связи с мыслью — гораздо более объемным и комплексным процессом, чем следующий за ним семиотический поступок, нацеленный на изменение когнитивного состояния адресата (для этого достаточно представить случай лжи, когда воздействие и мысль не совпадают особенно рельефно).

Смыслообразование в любой момент текста имеет коммуникативную природу. Пользуясь уже упомянутым феноменом лжи, можно «схватить» значимые черты коммуникативного (а не языкового) смыслообразования: *автор добивается не представления реальности, а эффекта коммуникативного события* (не обязательно являющегося представлением реальности) и в этом видит *смысл совершаемой коммуникативной процедуры*. Он занят не нарративом реальности, а гораздо более очевидной и непосредственной *реальностью своего воздействия на адресата*, будь то производимый им нарратив, вопрос, жалоба, просьба, восклицание, невербальный жест угрозы, задумчивая интонация и пр.

Наконец, следует отметить, что при порождении или восприятии текста *сознание* (как автора, так и адресата) «работает» только с одним конкретным коммуникативным действием — производит его или интерпретирует. Фокус внимания автора или читателя, занятого данным семиотическим поступком, не может быть множественным вследствие пространственно-временной и психофизической обусловленности акта коммуникации. *Интеракция между автором и адресатом постоянно происходит в одной точке*, на которой, создавая последовательность коммуникативных действий, фокусирует свое внимание автор и в которой затем постоянно пребывает сознание адресата, продвигающегося вслед за автором от действия к действию.

Из этого следует, что индивидуальное сознание никогда не воспринимает текст в том виде, в каком это предполагают расхожие формулы типа «текст книги», «текст статьи», «текст стихотворения» и пр. (ср. нотный текст, или ноты). Оно не может вместить и понять текст «Евгения Онегина» и даже текст его первой главы, поскольку там содержится *множество* семиотических поступков. Зато сознание без труда справляется с очередным единичным поступком автора, который некогда предполагал именно такую процедуру своего общения с читателем: последовательно перемещать фокус внимания адресата от действия к действию в расчете на то, что каждое последующее будет эффективным при условии читательского участия в предыдущих («Его пример — другим наука» и т. д.). Пройдя по цепочке семиотических актов, в которые автор вовлекал читателя, последний может попытаться резюмировать данный опыт приятного общения и сказать, что в романе повествуется о молодом человеке и пр. Однако такое понимание текста, редуцирующее множество самоценных коммуникативных поступков автора до пересказа фабулы, вряд ли кого-либо удовлетворит. Процесс коммуникации, оставляющий свой след в виде написанного текста и воссоздаваемый затем по этому следу, не может терять свою процессуальность, превращаясь в статичный объект. Поэтому для динамической концепции словесный текст (текст книги, повести и т. д.) — это, скорее, *псевдоединство, псевдообъект, неэффективная дефиниция*, созданная на основании «телесного» (предметного, обесмысленного, статического) восприятия вербальных данных. Так, «текст поэмы» может лежать в портфеле, иметь определенный вес, количество страниц, глав, предложений, слов, букв и пр., но он не может в таких условиях производить смыслообразование, к которому был некогда призван автором как посредник в каждом из своих моментов.

Итак, если в каждом конкретном смыслообразующем случае (вспомним о *коммуникативном* смыслообразовании) речь идет об интерпретации *одного* семиотического действия, вопрос об окружении данного действия другими теряет свою актуальность и остроту. Статический текст как бы исчезает, обнаруживая невозможность производить смыслообразование. Независимо от позиции среди других семиотических поступков, автора и адресата всегда интересуется один, данный, актуальный здесь и сейчас. Сознание застаёт его как в цепи иных действий, так и вне какой-либо последовательности, но всегда формирует *множество параметров*, значимых для порождения и интерпретации этого действия, черпая их перечень из разноформенного коммуникативного контекста (предыдущих поступков, общих фреймов, ситуативных данных, сведений об адресате или авторе и пр.).

В такой теоретической диспозиции совершенно оправданным становится понимание *дискурса как осознанной ситуации данного коммуникативного действия*, в отличие от попыток представить его глобальной статической областью знания, или статическим коррелятом языка («живая речь», «тип высказывания» [9, с. 38], «связный текст», «язык в языке» [7, с. 467], «речь, погруженная в жизнь» [8, с. 28–29]).

Динамическое понимание дискурса, вытекающее из акциональности вербального факта, указывает на *мыслимые условия совершения отдельно взятого коммуникативного действия*. Ввиду постоянно меняющихся условий совершения семиотических поступков (в том числе вследствие уже совершенных в последовательности действий, вовлечения новых, известных автору фреймов, исключения потенциально релевантных фреймов, вовлечения новых мыслимых объектов и обстоятельств и т. п.) *дискурс представляет собой подвижную систему координат*, в которой всякий раз заново интерпретируется новое действие (в том числе произведенное с участием вербального канала). С этой точки зрения у каждого нового семиотического поступка есть свой неповторимый дискурс, необходимый для его интерпретации, который, соответственно, не может быть единым для всей области философии, или литературы, или поэзии, или политики.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.
2. Вдовиченко А.В. Коммуникативное оправдание грамматики. К вопросу о пределах условности грамматического описания // Русский язык за рубежом. 2016. №4. С. 78–84.
3. Вдовиченко А.В. О несамостоятельности языкового знака. Причины и следствия «лингвистического имяславия» // Вопросы философии. 2016. №6. С. 164–175.
4. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.
5. Колианский Г.В. Контекстная семантика. М., 1980.
6. Лукин В.А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа. М., 1999.
7. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978. С. 467.
8. Серю П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / пер. с фр. и порт. М., 1999.
9. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 35–73.

Об авторе

Вдовиченко Андрей Викторович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН, профессор филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Россия.

E-mail: an1vdo@mail.ru

Для цитирования:

Вдовиченко А.В. Текст и дискурс в свете коммуникативного смыслообразования // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 4. С. 5–15. doi: 10.5922/2225-5346-2017-4-1.

THE TEXT AND DISCOURSE
IN THE LIGHT OF COMMUNICATIVE MEANING FORMATION

A. V. Vdovichenko^{1 2}

¹ Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1/1 Bolshoy Kislovsky Ln, Moscow, 125009, Russia

² Saint Tikhon's Orthodox University of the Humanities
9/2 Ilovajskaja Str., Moscow, 109651, Russia

Submitted on September 18, 2017.

This article analyses differences between the static and dynamic interpretations of the text and discourse. The concept of a communicative action (a semiotic act) is considered as the main distinguishing factor that is crucial for the communicative model of text but is ignored within the language model. The communicative (dynamic) model postulates the following: 1) the text is a sequence of verbal elements of communicative actions; 2) the verbal manifestation of an utterance differs fundamentally from a communicative action; 3) the cognitive condition of the author of an action imposes a limit on meaning formation within the action and within the corresponding sentence of a text; 4) communicative meaning formation implies that the author sees sense in the procedure of communication per se rather than in reflecting reality or conveying thoughts; 5) when perceiving a written text, the reader's consciousness constantly interprets a single communicative action and this makes a not-procedural understanding of a text ineffective. In dynamic terms, discourse represents a recognized situation of a given communicative action or a flexible system of parameters that is constantly recreated and updated to ensure the correct interpretation of a semiotic act.

Key words: text, discourse, communication, communicative action, dynamic model, static model, parameters of communicative procedure.

Reference

1. Arutyunova, N.D., 1990. Discourse. In: V.N. Yartseva, ed. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, p. 136–137.
2. Vdovichenko, A. V., 2016. Communicative justification of grammar. To the question of limits of grammatical description conventionality. *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 4, p. 78–84.
3. Vdovichenko, A. V., 2016. On the non-self-identity of the linguistic sign. The causes and consequences of "linguistic imiaslavie". *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 6, p. 164–175.
4. Dridze, T.M., 1984. *Tekstovaya deyatel'nost' v strukture sotsial'noi kommunikatsii: problemy semiosotsiopsikhologii* [Text activity in the structure of social communication: the problems of semiosociopsychology]. Moscow.
5. Kolshanskii, G. V., 1980. *Kontekstnaya semantika* [Contextual semantics]. Moscow.
6. Lukin, V. A., 1999. *Khudozhestvennyi tekst: osnovy lingvisticheskoi teorii i elementy analiza* [Litarary text: the foundations of linguistic theory and elements of analysis]. Moscow.
7. Nikolaeva, T.M., 1978. A brief dictionary of text linguistics terms. In: T.M. Nikolaeva, ed. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 8. Lingvistika teksta* [New in foreign linguistics. Issue. 8. Linguistics of the text]. Moscow, p. 467.

8. Serio, P., 1999. How read texts in France. In: P. Serio, ed. *Kvadratura smysla. Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of meaning. French school of discourse analysis]. Moscow.

9. Stepanov, Yu.S., 1995. Alternative world, Discourse, Fact and principle of Causality. In: Stepanov, Yu.S., Frumkina, R.M., Rudenko, D.I. et al. *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and science of the late twentieth century]. Moscow, p. 35–73.

The author

Prof Andrey V. Vdovichenko, Leading Research Fellow, the Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, Russia; 7

Associate Professor, the Faculty of Philology, St Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Russia.

To cite this article:

Vdovichenko A. 2017, The Text and Discourse in the Light of Communicative Meaning Formation, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 8, no. 4, p. 5–15. doi: 10.5922/2225-5346-2017-4-1.